

Недавно министр сельского хозяйства Алексей Гордеев дал интервью «Российской газете» — про хлеб, виды на урожай и про то, кто будет кормить россиян. По его словам, кормить нас будут крупные, вертикально интегрированные холдинги. Но заботу о цене на хлеб министр возложил на федеральное правительство и местные власти. Намекнул: мировые цены на зерно в 5–6 раз выше, чем в России, — мол, думайте, товарищи. О фермерах вспомнил, но не наших, а американских и голландских: две трети из них убыточны. В своих странах их поддерживают «только ради сохранения традиционного образа жизни». Тогда корреспондент прямо спросил министра о недавно обанкротившейся фирме Ф.И. Клюки, который потерял 200 тысяч гектаров земли, и неизвестно, как пойдут дела в прославившейся еще вчера на всю страну «Стойленской ниве». Министр назвал это событие весьма субъективным.

От этого «субъективного» события, подумал я, «объективно» вздрогнула вся крестьянская Россия. Если подобные субъективные события станут нормой, то наше крестьянство объективно останется без земли. Без паев в 5–7 гектаров, способных при интенсивных технологиях прокормить до тысячи человек каждый. И без фермерских хозяйств, т.к. при малейших затруднениях, если фермеру надо будет взять средства под залог земли, он получит обратно «денежный эквивалент» своего надела, а земля уйдет в собственность латифундиста, подобного Федору Ивановичу. И как тогда будет уважаемый министр поддерживать «традиционный образ жизни» огромного сельского населения страны — обречет на вымирание?

Ничего себе «субъективное событие»! Юридическая форма обезземеливания крестьян, которую применял Клюка для сколачивания (если быть точным — для легализации) своего капитала, применил ее повсеместно, узаконил массовое лишение селян их наделов. Мы и не заметим, как два десятка человек окажутся латифундистами, владеющими пахотными угодьями страны. 200 тысяч гектаров — у г-на Иванюшвили (как в случае с Клюкой), 400 или 500 тысяч гектаров Бэн Ладен не откажется купить (почему бы и нет, если можно через подставное лицо?). Не откажутся, будьте уверены, китайские, японские или аргентинские латифундисты оторвать жирный кусок российских черноземов. На новые земли привезут своих работников — миллионов 200. Куда тогда нашему крестьянину податься?

Скажите, преувеличиваю опасность? Буду только рад, если заблуждаюсь. Тот же А. Гордеев уверен, что село для страны — «каркас ее геополитической инфраструктуры». Слова-то какие! Лучше бы объяснил, как он, министр, собирается нашей истощенной, обезлюдившей и ограбленной деревне дать «здоровый ответ глобализации в плане сохранения наших национальных традиций». Чем отвечать, если генофонд под корень рубят!

Та же газета двумя неделями раньше опубликовала странное интервью «С Клюкой по жизни» — из названия понятно, о ком речь. Прочитал и подумал, зачем в заголовке «Клюка» с большой буквы? Ах, фамилия у него такая! Знаковая оказалась фамилия, бросил он крестьян. Сначала лишил земли, то есть искалечил саму сущность крестьянина, а потом бросил. Так что селяне после него — инвалиды, и ковыляют они теперь по жизни действительно с клюкой.

И после этого Клюка на всю Россию заявляет через газету:

— Я хочу, чтобы люди мне не плевали в спину, а улыбались. Чем же так обаял Федор Иванович крестьян и высокое местное и московское начальство, что его словам «Крестьян не брошу» в свое время многие верили?

Федор Иванович сам из крестьянской семьи, окончил Оренбургское высшее военное учи-

сельхозпредприятий с землей, другая «дамочка на белом мерседесе» — мельницы и крупорушки вместе с административно-хозяйственными комплексами двух сельских районов. Затем все это закладывается под банковские кредиты. Но кредиты

собственником становился Клюка. Вот так капитал и делался из грязи, поскольку «денежный эквивалент» селяне сами на земле и отработают. А дальше — «элементарно, Ватсон». У нас же не Германия, где экономисты скрупулезно считают сколько каждый

ства, Василий Яковлевич недолго спрашивал: «За что председателю колхоза платить 25, 50, а то и 100 тысяч рублей зарплату, как это делает Клюка? Не понимаю». Сидя под собственным памятником в центре села Бессоновка, он рассказал журналистам, что правление платит ему 8 тысяч в месяц, специалистам — еще меньше. А вот тем, кто в поле или на ферме, — от 10 до 50 или 70 тысяч — зависит от объема работ и сезона. Впрочем, в особые дискуссии с журналистами он не вступал: у него, руководителя с послевоенных времен, слишком мало оставалось времени для работы с землей и людьми, которых он необыкновенно любит. Отвлекаться на споры некогда.

А у Клюки сбой за сбоем: элитные шведские буренки на наших кормах не дают по 10 тысяч литров удою, хоть тресни. Не окупают затрат привесами бычки и поросята. Урожайность зерновых ниже, чем у орловцев. Трудовая дисциплина падает, и каждую утреннюю планерку приходится начинать со сводки происшествий, а не экономических показателей.

Давно наш губернатор Егор Семенович Строев во всеуслышание в прессе заявил, что обезземеливание крестьян, как это делает руководитель «Стойленской нивы» Клюка, возвращает страну в прошлое, к помещному землевладению, и неминуемо приведет к очередному революционному переделу собственности. Надо защитить крестьянина и его наследный пай как гарант от раскрестьянивания страны. Фактически Строев был единственным, кто высказался против официальной точки зрения и мнения руководства Аграрной партии России, сделавшего Клюку своим знаменем.

Что только не предпринимал Клюка, чтобы показать, что он хороший, что все для людей и что крестьянство он никогда не подведет. По слухам, однажды даже в ноги Строеву падал с клятвенными заверениями в своей любви к крестьянам. Только наш губернатор верит не клятвам, а экономическим расчетам и политической стратегии. А наука не подтверждала эмоций Федора Ивановича. Жизнь тоже не подтвердила.

Набранных кредитов не хватило, прогнозируемых доходов от производства не дождался, вот и пришлось продать свою половину акций вместе с земельными паями и обезземеленными крестьянами. Новый хозяин, не страдающий приступами любви к наемным работникам, потребовал ужесточить дисциплину, срезать нецелевые расходы и т.п. Это значит, что ждет селян кабала еще более бесчестная, чем до Клюки.

Вот и расплакался Федор Иванович со страниц «Российской газеты», просит у крестьян прощения, говорит, не со зла так сделал. Только получается, что его благими намерениями усталана та самая дорога, которая ведет в ад.

На том бы и поставил точку. Урок тяжелый, многим судьбы поломавший. Так остановитесь, люди добрые, не продавайте землю. Но неспокойно на душе, страшат стратегическая безграмотность наших государевых людей и червь хапужничества, обуявший таких, как Клюка. Он же в обмен на акции (читай — крестьянские земельные паи) получил крупный механический завод, есть еще 18 предпринятый помельче, рынки, магазины, СТО, да и 11,5 тысячи гектаров земли в Роговатном оставил себе на старость и внукам на жизнь.

Теперь уже многие не верят ни честным глазам, ни искренним слезам Федора Ивановича. Но поздно. Ведут нас такие «выходцы из крестьянской семьи» прямиком за косягом, в свой царский рай. И до поры помалкивают, что нам там места нет.

Алексей МИРОНЕНКО.

КЛЮКОЙ

ОБИЖЖЕННЫ

тысячи крестьян Белгородской, Воронежской, Тамбовской областей

лище, а после сокращения армии — Рудненский индустриальный институт, за 20 лет работы на Стойленском горнообогатительном комбинате в Старом Осколе вырос от рабочего до генерального директора. Дальше процитирую газету дословно: «Удачно приватизировав с личной помощью г-на Чубайса, которого до сих пор считает своим другом, родное предприятие, заложил основы своего состояния». (Вдумайтесь: звучит как «приватизировал мать родную»). На этом не успокоился: ГОК передал сыну, а сам занялся «прихватизацией» окрестных и дальних земель. Помогал ему не только Чубайс...

По роду службы последние четыре года мне часто приходилось бывать в соседних регионах, в том числе в Белгородской области. Не раз встречался с Ф.И.Клюкой и другими знаковыми фигурами местной элиты. Невольно видел многое из того, о чем в газетах не пишут. Прямо скажу, что за орловцами в Белгороде следят очень ревностно, если не сказать ревниво. Не дает им покоя тот факт, что наша область, не имея ресурсов, какими располагает Белгородчина, по большинству показателей развития экономики села опережает ее из года в год.

До последнего времени надеждой и локомотивом этого негласного соревнования был у белгородцев Ф.И. Клюка. Само такое соперничество между областями можно только приветствовать. Гордость за малую родину — святое чувство, деятельная гордость — вдвойне. От деятельного соперничества между нашими областями выигрывает вся страна, поскольку там и здесь есть чему поучиться. Однако организационно-правовые решения и идеология бизнеса, выбранные белгородцами, коренным образом отличаются от орловского опыта и вызывают большие сомнения. И дело не только в Клюке.

Мне приходилось встречаться с местными миллионерами (так их здесь называют) в Березовском, Грайворонском, Чернянском, Старооскольском районах. Ф.И. Клюка сам раскрыл в упомянутой газете суть явления: «Губернатор пригласил к себе Клюку, ткнул пальцем на карту области, и сказал: «Вот эти, эти и эти земли ты забираешь себе». «Забрать» тогда, до выхода закона о земле, значило просто убедить крестьян продать или отдать свои земельные паи Клюке». По такому принципу — забрать и владеть — многие в Белгородской области вышли «из грязи в князи». Один «забрал» сахарный завод, а с ним в придачу пять

рано или поздно надо отдавать. Вот тут и суть разора, который постиг Клюку и по пятам идет за другими местными «миллионерами».

Идеология, рожденная во времена спада в экономике и развала российского села, себя не оправдывает. Но в Белгороде за нее продолжают цепляться, хотя факты кричат: хватит, остановитесь и задумайтесь, что творите. Особенно неприятна эйфория победного самолюбования в местных средствах массовой информации. Например, о голодном пятитысячном марше на Белгород, который предприняли минувшей весной отчаявшиеся жители Алексеевского района, одиннадцать месяцев не получив зарплату, написала лишь газета коммунистов области. О смене собственника — так скромно именовали переход во владение грузинского миллиардера 200 тысяч гектаров земель «Стойленской нивы» — лишь многотрапеза с таким же названием «Стойленская нива». Да и то в виде отчета с собрания правления ЗАО, на котором выступил новый, присланный хозяином управляющий. Впрочем, дрожь вызывает и чтение даже этого суховатого отчета с установками — запретить, урезать, ужесточить, убрать и прекратить...

Но вернемся к Клюке. Поводом для большущей статьи о нем в «Российской газете» послужил, оказывается, список богатейших людей России, опубликованный журналом «Форбс». Федор Иванович в этом списке занимает 98-е место. Не ахти где, но ведь в числе богатейших в стране, в одной лодке с Гусинскими и Ходорковскими! И капиталец сколотил по меркам мелкопоместной вотчины немалый — 210 млн. долларов.

Клюка никому не докладывал о своих счетах в банках, ценных бумагах и акциях, о стоимости земли и заводов, которыми он владеет вместе с семьей, и все же империалистические наиты из «Форбса» докопались! Но разговор не об этом, а о том, что не успел журнал «Форбс» опубликовать список, как Федор Иванович взял да и разорился. Ай-яй-яй! На ровном месте и при полном благополучии. Отчего же так?

Вернемся на десять лет назад, во времена упомянутой экономической разрухи. Тогда пред очами обездоленных земляков в селе Роговатное Старооскольского района и предстал спаситель земли Ф.И.Клюка. Крестьянам было предложено стать акционерами ЗАО «Стойленская нива». Взнос при входе — земельный пай, а при выходе — денежный эквивалент. Проще говоря, крестьяне земли лишились,

гектар земли ежегодно нарабатывает основных средств в виде мастерских, комбайнов и тракторов, административных зданий и помещений для скота. У нас все это «самортизировано» и списано, поэтому «старье» собственнику достается даром, но без долгов прежнего колхоза. И вот новый собственник закладывает земли и имущество в банк, получает многомиллиардный кредит и начинает работать. Французские мельницы, американские комбайны, немецкие трактора, голландские крупорушки, бельгийские молочные комплексы — вся эта техника железнодорожными составами пошла в Старооскольский, Губкинский районы Белгородской области, где земельные паи скупил Клюка, став первым в России крупнейшим латифундистом. Клюке помогают областной бюджет и мощь любимого ГОКа, которым правит сын.

На двух фестивалях региональных телефильмов о селе, проходивших в Белгороде летом 2002-го и весной 2004 года, меня пригласили поучаствовать в жюри. Два года, а как разительно изменилась атмосфера в Роговатном и других селах «Стойленской нивы», буквально по Высоцкому: «Тот же лес, тот же воздух и та же вода, только ты не вернулся из боя».

Первый фестиваль проходил с царским размахом, Федор Иванович так разошелся, что от души заявил: «Первым призом в дальнейшем будет автомобиль «Нива!» Журналисты неуверенно поаплодировали. В кулуарах начальник управления СМИ администрации Белгородской области В.С.Кучеренко урезонивал Федора Ивановича: «Думай, что говоришь — дарить автомобиль раз в два года неизвестно кому. Разориться». Не одобрял купеческого размаха Клюки и старейший председатель белгородского колхоза им. Фрунзе, дважды Герой Социалистического Труда Василий Яковлевич Горин. Хозяйство у него далеко не из бедных, пережил председатель и вхождение в рынок, и дефолт 1998 года.

«За счет чего?» — спрашиваю в лоб при встрече. «Сахарок, молодой человек, что до дефолта, что после, сахарком и остался. Я его придержал, а потом — за валюту. Знаешь, сколько сейчас на колхозном счете? — Он хитро прищурился. — Не скажу я тебе». Зато показал колхозную лабораторию, в которой два фельдшера из трав, собранных в округе, делают лекарства для скота. Большую часть их продают, принося ежегодно в кассу хозяйства сотни тысяч рублей чистой прибыли.

Руководитель богатого хозяй-